

ЕЛЕНА ЩАПОВА-де КАРЛИ: «САЛЬВАДОР ДАЛИ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ Я СТАЛА ЕГО МОДЕЛЬЮ»

Под зажигательные звуки «диско» веселилась нарядная публика модного нью-йоркского парти. В углу зала на золотом троне, задумчиво поглаживая необычайно длинные, загнутые вверх усы, сидел старик в парчовом халате и смотрел на танцующих. Все разом стихло, когда экстравагантный гость, стукнув об пол тростью и вытянув палец с огромным изумрудом в мою сторону, громко сказал слуге-трансвеститу: «Смотри, какой очаровательный скелет!»

Вечеринка, на которой присутствовало огромное количество звезд кино и супермоделей, проходила в пентхаусе небоскреба одного из богатейших коллекционеров Америки. Я пробежала мимо Сальвадора Дали, когда он, зацепив меня за талию загнутой тростью, поднял к себе и ласково потрепал по щеке: «Крошка, помни, теперь тебя зовут не Элен, а Жюстин. А знаешь, Жюстин, что у меня жена была тоже русская? Ты первая

девушка из России, которую я вижу здесь». Весь вечер Дали не отпускал меня от себя, усадив на пол у своих ног в ботинках из крокодиловой кожи: «Я хочу, чтобы ты стала моей моделью». «О' кей!» — легко соглашаюсь я, и тут как из-под земли появляются секретарь и слуга-трансвестит — его близкое окружение. В их глазах ясно читаю ненависть: «Эти могут и кислоты в лицо плеснуть из ревности!» И тем не менее мы договорились с Сальвадором, что я приеду к нему в отель позировать. Но

Получила довольно странное воспитание: с одной стороны — верующие бабушки с их требованиями читать молитву на ночь, а с другой — суровый «советский» отец

с такой знаменитой аристократической парой, как Либерманы?

— Я сама позвонила Алексу в редакцию (он почти полвека возглавлял империю «Conde Nast», издающую «Vogue», «Vanity Fair» и другие журналы) и представилась: «Я Елена Шапова, русская модель из Москвы». Он сразу же ответил: «Ну что ж, приходите — познакомимся». Мне тут же была назначена модельная съемка в «Vogue».

Однажды в доме Либерманов я встретилась с близкой подружкой Татьяны — Марлен Дитрих. Актриса была в безукоризненного кроя брючном костюме и с мундштуком в руке. Несмотря на преклонный возраст, они обе оставались красавицами и так удивительно походили друг на друга, что их часто принимали за сестер.

Алекс и Татьяна оказались в эмиграции почти одновременно, бежав с родителями из революционной России. Алекс начал ухаживать за красавицей Татьяной еще в Париже, соперничая с самим Маяковским. Поэт буквально потерял голову от Яковлевой, каждый день засыпал ее розами, читал стихи, на коленях умоляя вернуться с ним в Россию. Но она из массы поклонников выбрала в мужа французского дипломата маркиза дю Плесси и родила дочь Франсин, ставшую известной американской писательницей. В 40-м году маркиз дю Плесси погиб в авиакатастрофе, летя в Англию на встречу к де Голлю, и все заботы о вдове и ее дочери взял на себя Алекс.

В Нью-Йорке чета Либерманов пользовалась огромным влиянием. В их загородном поместье Либермания с огромным английским парком в уик-энд можно было встретить весь аристократический и художественный цвет Америки и Европы. У бассейна с подогревой морской водой гостям, вальяжно устроившимся в шезлонгах среди кустов роз, подавали закуски а-ля фуршет. Вдали у холмов гуляли олени, которые вечером с любопытством заглядывали в окна загородного дома. О светских раутах Либерманов непременно извещала «Нью-Йорк таймс», с восторгом перечисляя имена: Ив Сен-Лоран, Артур Миллер, Франсуаза Саган, Иосиф Бродский, Михаил Барышников, Генри Киссинджер с супругой...

Когда Татьяна неожиданно скончалась, у Алекса случился второй, тяжелей-

Либерманы, узнав о приглашении Дали позировать, возмутились: «Он висит у нас только в туалете! Что это за художник? Ужас!»

наутро я слегла с высокой температурой. Врач констатировал сильнейшее воспаление легких. И тем не менее художник не хотел никому верить и устроил бурную истерику по телефону: «Жюстин, я знаю, что у тебя свидание! Признайся, притворщица! Раз ты себе это позволяешь, нашей дружбе конец!» После моей болезни Дали несколько поостыл, чему я, надо сказать, была рада. Вспомнив нашу-мевшую историю Аманды Лир, которую благодаря выдумке Дали до сих пор счи-

тают трансвеститом, я решила не связываться с испанским гением эпатажа.

Татьяна Яковлева, жена Алекса Либермана, та самая, за которой ухаживал Маяковский, услышав, что меня пригласил позировать скандальный живописец, страшно возмутилась: «Дали висит у нас только в туалете! Что это за художник? Ужас! Запомни, его моделью была Галя, а тебе, глупой девчонке, он испортит репутацию и выбросит на улицу!»

— **А как вам удалось познакомиться**

ший инфаркт. Его буквально чудом выходила медсестра с Филиппин, полукитайка-полуиспанка Мелинда. Вскоре Алекс женился на ней и прожил вторую счастливую жизнь. Через год после болезни он с большой помпой справлял свое восьмидесятилетие в новом доме на Лонг-Айленде (с Либерманией, где все напоминало о Татьяне, Алекс расстался). Подробный отчет о бале по-филиппински я прочитала в газетах. В небе над домом кружил самолет с плакатом «С днем рождения, Алекс!», для гостей на берегу океана исполняли экзотические танцы специально выпитанные с Филиппин танцоры, а бомонд угощали невероятными блюдами — особенно поразила всех рыба величиной с акулу, запеченная в черной икре. В центре веранды бил трехъярусный фонтан из

шампанского. Его подножие представляло собой гигантский шоколадный торт, на котором золотыми буквами кондитеры вывели пожелания гостям. И всю эту роскошь для юбиляра устроила простая филиппинская медсестра... Думаю, Татьяна с ее утонченным вкусом обязательно бы фыркнула: «Фи! Как вульгарно!»

В первый раз об этой замечательной женщине я слышала еще в России, в доме Лили Брик. Мы с Эдуардом Лимоновым часто бывали у нее на даче, я читала ей свои стихи (в журнале «Юность» почему-то посоветовали мне отослать их в «Плейбой»). Когда Лили услышала, что мы навсегда уезжаем из страны, она немедленно пригласила нас к себе. Встретив нас с Эдуардом на пороге своей переделкинской дачи, сразу же сказала:

На даче в Переделкине. Лимонов, Лилия Брик, Василий Катанян и я

В Викторе Щапове меня привлекали его шарм, щедрость и шлейф Синей Бороды

Удивительно, но с Лилей Брик повторилась та же история, что и с ее близкой подругой: сломав бедро, она выпила яд

«Леночка, я хочу подарить вам на память бриллиантовый браслет, который очень давно купил мне Ося. (Она имела в виду своего первого мужа Осипа Брика.) Этот браслет может подойти только мне или вам», — и отправилась на второй этаж, в спальню. Вдруг вижу, как Вася Катанян, муж Лили, меняется в лице и молча бросается вслед за женой. Мы сидим на террасе за роскошно накрытым столом и ждем хозяев. Проходит пять минут, десять, двадцать... Через полчаса я не выдерживаю: «Эд, я умираю с голоду. Давай есть, плевать на браслет». Наконец они появляются. Лилия очень взволнованно говорит: «Леночка, извините, я передумала...»

«Ну что вы, Лилия! Глупости! Забудем об этом, а то чувствую себя героиней Куприна: какие-то страсти по гранатовому браслету!» — смеюсь я с облегчением.

Лилия в тот наш приезд явно не находила себе места: буквально несколько дней назад ее восьмидесятилетняя приятельница, сломав бедро, выбросилась из окна. Лилия не переставала восхищаться поступком подруги, говоря, что на такое способен только очень сильный человек. (Удивительно, но с ней повторилась та же история: сломав бедро, Брик выпила яд.) В тот прощальный вечер она показала мне в альбоме фотографию красивой женщины: «Как вы ее находите? Эта дама

— последняя любовь Маяковского». — «Хорошенькая». — «Да? — сухо спросила Лилия и быстро захлопнула альбом. — Странно, такое простое личико...»

При встрече с Алексом в Нью-Йорке я рассказала ему, что в альбоме Брик видела фото его жены. «Ни в коем случае не рассказывайте об этом Тане, они же друг друга ненавидят», — забеспокоился Алекс. Но в первую же встречу с Татьяной я поняла, что она все знает: «Я слышала, вы видели какое-то фото у Брик. Так вот, это не я, а моя дочка Фроська». Она переживала, что ее фотография неудачна. Потрясающе: этих двух женщин до последнего вздоха волновала их слава красавиц, по которым убивался русский поэт!

— **А как вы смогли в Америке пробыть на подиум? Там ведь огромная конкуренция!**

— Как-то мы с подружкой, листая журнал, увидели репортаж фотографа Аведона о модельном агентстве «Золи». Поговаривали, что его владелец, господин Золи, любит экстравагантных манекенщиц: у

В церкви в Гнезниковском переулке нас с Лимоновым венчали по-царски — с золотыми венцами и хором из Большого театра

На кастинге я чувствовала себя как выставленная на продажу лошадь: меня заставили раздеться и даже заглядывали в рот

него работали Верушка и Джерри Холл, жена Мика Джаггера. Когда я позвонила в агентство, мне сухо ответили: «Сорри, мадемуазель, только с портфолио!», но когда услышали, что я из Москвы, любопытство взяло верх. На кастинге я чувствовала себя как выставленная на продажу лошадь: меня заставили раздеться и даже заглядывали в рот — все ли зубы на месте. «Ай, какие зубки, ай, какие ноги, ай, какие волосы!» — только и слышалось со всех сторон. А еще все удивлялись моей невероятной худобе (44 килограмма при росте 176!): «А что вы там, бедные, в Союзе ели?» Я честно отвечала, отметив про себя, что у них от удивления брови лезут вверх: «Икру и водку». Самое смешное,

что в США меня, с треском выгнанную из страны, считали засланной КГБ шпионкой: «Русская модель? Этого не может быть! Тут дело нечисто!» Меня вызывали в ФБР и с пристрастием допрашивали: «Скажите, Елена, может быть, вы знаете каких-нибудь русских шпионов?»

Началась безумная жизнь русской модели в сумасшедшем Нью-Йорке — с утра стоишь под юпитерами на съемках, а ночь проводишь на тусовках. Как-то на одну из вечеринок к Золи заявился Милош Форман вместе со своим дружкой Романом Полански. Форман уже успел прославиться в Голливуде, сняв фильм «Полет над гнездом кукушки». Два славянина были слегка пьяны и не скрывали,

что приехали на смотрины. «Глянь, Милош, какая девчонка!» — толкали они друга, откровенно плясая на моделях. И тут взгляд Милоша упал на меня, сидевшую рядом с Джеком Николсоном. Я, кстати, не сразу поняла, что сижу с такой знаменитостью, и тихо спросила у сильно накрашенной соседки: «Этот парень сильно смахивает на актера Николсона, кто это?» «Деточка! — громко возмущается она. — Это он и есть!» Все смеются, кроме звезды: такие ошибки в обществе недопустимы. Я расстроилась, да к тому же была страшно зла в этот вечер — так надоели эти пьяные рожи вокруг! В самый разгар веселья решила отправиться спать к себе в комнату на втором этаже. Но по плотоядному взглядам, которые бросал на меня Форман, поняла, что так просто скрыться мне не удастся. Поэтому дверь я предусмотрительно забаррикадировала шкафом, уложив для верности сверху еще и стулья. Но еще не успев заснуть, услышала грохот рухнувшей «баррикады». Форман, проникнув в комнату, моментально нагло залез ко мне в постель. «Милош, — завопи-

С шестнадцати лет я работала
в модельном бизнесе, а в Нью-Йорке
стала первой русской манекенщицей

ла я, отбиваясь подушками. — Пошел вон!» «Как же ты не понимаешь, — дыша перегаром, пытался обнять меня режиссер. — Елена, мы же славяне. Нас здесь никто никогда не сможет понять. Какая там Мишель Пфайффер! Ты будешь звездой экрана, я все сделаю!» Но Милоша я прогнала, и с кино мне не повезло.

Был у меня еще один забавный случай со звездой Голливуда. Ужиная в одном из клубов, я заметила, что на меня очень пристально смотрит чернокожая красавица. Вокруг дамы, затянутой в блестящий кожаный комбинезон, роились кавалеры. Вдруг она, кивнув в мою сторону, что-то зашептала на ухо одному из них. Парламентарий, подойдя к моему столику, почтительно выдохнул: «Грейс Джонс приглашает вас на интимный ужин у нее в апартаментах». Хорошо зная ее наклонности, я громко послала кавалера актрисы. Он был поражен до глубины души — отказать подружке Джеймса Бонда?!

Но вот о романе с французским писателем Роменом Гари у меня сохранились только приятные воспоминания. Гари очень серьезно относился ко мне, хотя выходить за него замуж я не собиралась. Его жизнь, к сожалению, оборвалась трагически — он застрелился. Очень надеюсь, что не из-за меня, хотя, наверное, наша размолвка повлияла на ход событий. Я обещала Гари поехать в Канн на премьеру фильма, поставленного по его роману. Но в последний момент не захотела лететь с ним, он обиделся. Будучи последнее время в глубокой депрессии, он, вернувшись домой, застрелился. Кстати, по трагическому сопадению его близкая подруга, американская актриса Джин Сибург, сыгравшая

главную роль у Годара в фильме «На последнем дыхании», еще до нашей встречи с Гари тоже трагически ушла из жизни. Джин была активисткой, защищала права негров, которых преследовал ку-клукс-клан, ее травили американские власти, и в итоге она на свалке старых машин покончила с собой, выпив снотворное.

— **И все же интересно, что вас толкнуло эмигрировать?**

— Я не собиралась уезжать из Союза, нас с Лимоновым просто вышвырнули, сочинив липовые приглашения в Израиль. В то время самиздат, встречи с послами, обеды с иностранцами не прощались никому. За нами даже установили

«Милош! — завопила я, отбиваясь подушками. — Пошел вон!» — «Как же ты не понимаешь, ты будешь звездой экрана, я все сделаю!»

слежку: под окнами вечно торчала машина с агентами КГБ, телефон прослушивался, не раз в наше отсутствие квартиру буквально переворачивали вверх дном.

Вместе с нами в Вену улетали художник Бахчанян, писатель Юрий Мамлеев, моя подружка Ева и журналист Суслов из «Литературной газеты». Помню, зашли всей компанией в какую-то лавочку купить колбаски. Из всех нас хорошо владела немецким только жена Бахчаняна. Но Суслов смело вышел вперед и обратился к хозяйке, как ему казалось, по-немецки: «Мамка, яйки, млеко! Сме-тан-ка!»

Потом, как курица крыльями, начал махать руками перед ошарашенной продавщицей и приговаривать: «Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!» Получив наконец после вмешательства Иры Бахчанян продукты, Суслов, выросший на советских военных фильмах, все никак не мог утихнуть: «Мамка, сме-тан-ка! Вот дура!»

У меня с собой был маленький чемоданчик с фотографиями и вечерними платьями. Я думала, что праздник жизни, который у меня был в Союзе, продолжится и на Западе; для будущих приемов у меня были припасены даже золотистые туфельки. Но на этих шпильках мне пришлось ковылять в поисках более дешевой

гостиницы. В Вене в то время существовали Толстовский фонд и еврейский фонд «Хиас», который занимался отправкой репатриантов в Израиль. В «Хиасе» на вопрос: «А вы евреи?» мы честно ответили: «Нет». Чиновники устроили нам громкий скандал: «Какое право вы, русские, имели выезжать по еврейской визе? Вон отсюда!» и выставили нас в Толстовский фонд, где нам выдали ничтожную сумму денег и поселили в дешевой гостинице. Хозяйка, быстро сообразив, что денег у нас нет, вскоре из отеля выгнала. Лимонов, перетаскивая вещи в ночлежку, все причитал:

Эта съемка, которую придумал Миша Шемякин, проходила в его мастерской в Нью-Йорке

«Вот если бы твой папа здесь появился, они бы как миленькие нас тут терпели!»

— А почему в Вене должны были бояться вашего отца?

— Мой папа, Сергей Козлов, сразу же после войны был назначен комендантом Вены. Кстати, особняк, который он тогда занимал, был на соседней с гостиницей улице, Мария-штрассе. Судьба отца удивительна. Очень способному студенту в институте полностью переписали биографию, вычеркнув отца-белогвардейца, дворянское происхождение и приписав рабоче-крестьянские корни.

Папа был не только кадровым военным в органах, но и ученым-изобретателем: связь с разведчиками в Германии в войну осуществлялась благодаря его открытиям. Именно отец изобрел первые подслушивающие устройства, столь необходимые в разведке. Когда немцы подходили к Москве, мама жгла в печке все

фотографии, где он снят со Сталиным. И не зря! Фашисты, прекрасно осведомленные о его открытиях, объявили огромную награду за голову полковника КГБ. Однажды отцу пришлось даже прятаться от фрицев в болоте и несколько часов дышать через трубочку.

Летом мы жили на даче, единственной из трех, оставленной нашей семье: две стояли рядом, а третья, самая большая, — на другой стороне улицы. На одной из них поселили американского шпиона Пауэрс, чей самолет «У-2» сбили Советы. Отец следил за арестованным агентом, прослушивая его круглосуточно. Позже Пауэрс обменяли на нашего легендарного разведчика Абея, пойманного в США.

В деревне прекрасно помнили нашу семью и особенно почитали мою бабушку, которая до конца жизни была церковной старостой. Довольно часто у нас на даче собирались священники в длинных ря-

сах с огромными крестами на груди. Отцу почему-то такое знакомство легко сходило с рук. Местные бабы называли меня барышней и при встрече целовали руку, томилиньские мужики же снимали шапки, кланяясь. Помню, мне категорически запрещалось играть с мальчишками, дружить я могла только с дочкой министра, семья которого жила на одной из наших прежних дач, и с ровесницей — поповной. Однажды я все же юркнула в лаз в нашем огромном саду и сбежала. Когда папа подъехал на лимузине к даче и увидел, как я в компании мальчишек, задрал накрахмаленные юбки, луплю по мячу, жестоко меня высек. Я получила довольно странное воспитание: с одной стороны — верующие бабушки с их требованиями читать молитву на ночь, а с другой — суровый «советский» отец. А еще в детстве я очень много читала. В десять лет, ничего не понимая, прочитала всего Сартра. Помню,

лежу на диване с любимой книжкой Рема-
марка и попиваю... коньяк.

Как ни странно, коньяк покупался
именно мне. С детства меня мучила силь-
нейшая астма. Лечащий врач как-то по-
советовал маме: «Ничего страшного не
произойдет, если вы для расширения со-
судов будете давать девочке по глоточку
коньяка». Мне так эти «глоточки» понра-
вились, что я небрежно, чтобы не вызы-
вать подозрений, частенько просила:
«Мам, оставь бутылку, а то что-то совсем
нечем дышать».

Сама я чувствовала себя гадким утен-
ком и, чтобы хоть как-то скрыть свою не-
вероятную худобу, надевала под школь-
ную форму массу нижних крахмальных
юбок и натягивала сразу несколько пар
чулок. Мальчишки, увидев меня с очеред-
ной книжкой под мышкой, дразнили: «На
тебе никто не женится!» В моей школе
училась генеральская дочка Катя Грид-
нева, затравленная одноклассниками чи-
столю из хорошей семьи. Однажды маль-
чишки затащили ее в туалет и устроили
экзекуцию. Из туалета Катя вылетела мок-
рая как мышь, шепнув с ужасом: «Следую-

Невинности я лишилась лет в семнад-
цать... по необходимости. Подслушав
как-то беседу врача с мамой («Знаете, ес-
ли Лена станет женщиной, приступы ас-
тмы могут прекратиться»), я продумала
план «лечения». Как только родители со-
брались на дачу, вызвала ухажера. Когда
я в мамином невероятно прозрачном
пеньюаре открыла ему дверь, он застыл
на пороге, парализованный от страха.
Долго пришлось приводить в чувство
«любовника», отпавивая его припасен-
ным на всякий случай коньяком. «Ну да-
вай быстрее! — торопила я окаменевше-
го ухажера. — Скоро родители придут!»

**— Вы очень рано вышли замуж, чуть
ли не в восемнадцать лет. Кто был ва-
шим первым мужем?**

— Виктор Шапов, известный худож-
ник-график Он был старше меня на 25
лет и дружил с моей старшей сестрой, так
что знал меня, можно сказать, с пеленок.
Однажды, усадив меня, четырехлетнюю, к
себе на колени, пошутил: «Вот на Ленке я и
женюсь!» Так и произошло. Мы с ним
встретились, когда я уже работала у Славы
Зайцева. Меня, 16-летнюю худющую

Невинности я лишилась лет в семнадцать... по необходимости. Подслушав как-то беседу врача с мамой, я продумала план «лечения»

щей будешь ты!» Я почему-то не испуга-
лась и приготовилась к бою. Припертая к
стенке туалета, вцепилась руками в двер-
ной косяк и стала бить ногами обидчиков.
От моего неожиданно яростного сопро-
тивления они попадали на пол, и я, как по-
бедитель, макнула их головами в полный
мутной воды умывальник. Присланные ко
мне на следующий день парламентарии
торжественно объявили: «Козлик, отныне
ты вождь всей местной шпаны!» Высокую
должность я гордо отвергла, но строго
приказала: «Катьку не бить!» С тех пор ста-
ла дикой заводилой и вела себя отврати-
тельно. Папа, специально нацепив кортик
и в погонах, не однажды приходил на пед-
совет, где меня грозились отчислить, но
каждый раз, смиростивившись, оставляли
— «только ради отца».

В шестнадцать лет я бесстрашно реза-
нула себе вены опасной бритвой, не най-
дя ответа на банальный вопрос: для чего
живу. Но проведя два дня в сумасшедшем
доме, решила больше этого не делать.
Тем более что пришла пора романов...

длинноногую девчонку, Слава случайно
заметил в метро и пригласил во Всесоюз-
ный дом моделей. Витя через знакомых
девушек-моделей постоянно зазывал ме-
ня к себе в мастерскую, но я каждый раз
отказывалась — спешила домой. Родители
были в шоке от того, что их дочь работает
манекенщицей: мама, плача, каждый ве-
чер выходила меня встречать, боясь за
мою нравственность. Однажды девчонки,
уболтав меня, все же затащили к себе. Пос-
ле чаепития как бы невзначай заметили:
«Сейчас за нами заедут мальчишки, но тебя,
если хочешь, можем подбросить до дома».
У подъезда нас ждал роскошный «Шевро-
ле» известного на всю Москву француз-
ского журналиста Люсьена Но, работав-
шего в «Пари матч». Он был знаменит кол-
лекцией немыслимых замшевых пиджа-
ков, вызывавшей зависть у всех, включая
Андрона Кончаловского. (Впоследствии
Люсьен стал мужем красавицы Лили, ко-
торую у него увел Марк Бернес.) Рядом с
Люсьеном сидел Костя, сын маршала Ти-
мошенко. Мы с девчонками набились в

машину и поехали. По дороге Костя в зеркальце непрерывно посылал мне призывные взгляды. Вдруг замечаю, машина проезжает мой дом и мчится куда-то дальше. Я начинаю кричать: «Остановите машину!» и рвусь выскочить на ходу. Меня все хором стали уговаривать: «Козлик, ну что ты? Сейчас заедем на минуточку к приятелю и потом отвезем тебя!» Автомобиль затормозил у дома на Садовом кольце, где раньше бьи знаменитый магазин «Людмила». Как позже выяснилось, там и жил Шапов. В огромной квартире, где оказалась масса народу, было не протолкнуться. Меня подвели к маленькому лысенькому человечку, сидевшему за мольбертом. Он кивнул головой в знак приветствия и даже не обернулся в мою сторону. Я возмущилась: «Что это за безобразие!» и про себя даже обиделась — так настаивал на визите, а теперь и не смотрит! Но это бьи ко-

**В Нью-Йорке я работала
в агентстве «Золи» — там ценили
экстравагантных моделей**

Костя подошел к столику и залепил пощечину Шапову. Потом поцеловал мне руку: «Мадам!» — и, шаркнув ногой, тут же удалился

**Толстой с успехом повторил повторив
Аниту Экберг и искупался голым
в Фонтане де Треви**

варно продуманный ход опытного ловеласа: организовать «похищение», сделав при этом вид, что совершенно ни при чем. Однако прекрасно разработанный план Шапова внезапно рухнул: у нас с Костей с этого вечера закрутился невероятный платонический роман. Мы веселой компанией лихачили по ночной Москве на шикарных иномарках, часто с нами проводил время племянник Микояна Ваня. Помню, как сильно напившийся Костя облил шампанским мою дорогую шубу, открывая на ходу бутылку. Все разрушила моя мама. Узнав о наших отношениях, она предупредила Костю: «Если вы не прекратите свои ухаживания, я позвоню вашей жене!» Масла в огонь подливал Шапов. Он ходил к нам домой и все ныл: «Уж эти мне старые мужчины! Им лишь бы молоденьким девочкам кружить головы! Безобразия!» (При этом сам был старше Кости.) В результате мама исполнила свое жестокое обещание — позвонила-таки Костиной жене. Она прекрасно знала Нелю, дочку маршала Чуйкова, а тот, как и маршал Тимошенко, дружил с моим отцом.

Витя, втираясь в доверие к маме, таскал ей конфеты и цветы и как-то предложил: «Мария Григорьевна, может, мне пригласить Лену в Дом кино на Новый

Я начала свою заграничную
карьеру с демонстрации шуб

год? Пусть девочка разведется, ведь она так переживает случившееся». Коварный Шапов опять состроил каверзу. Оказывается, параллельно он наобещал Косте, что пригласит в Дом кино его жену, и мы с Костей сможем уехать встречать праздник на дачу. На закрытом приеме по случаю Нового года я произвела фурор — на мне было длинное расшитое стразами платье и роскошная шляпа от Диора (моя сестра была замужем за французом и присылала мне наряды из-за границы).

Дальнейшие события походили на кино! Ровно в двенадцать под бой курантов двери в зал ресторана распахнулись и на пороге в сопровождении свиты появился бледный Костя. Он быстро подошел к нашему столу и залепил звонкую пощечину вскочившему Шапову. Потом, повернувшись ко мне, поцеловал руку: «Мадам!» и, шаркнув ногой, тут же удалился. После этой на шумевшей истории бедного Костю просто-напросто отправили в ссылку.

— **Что-то не очень понятно ваше поведение, Елена. На чьей же вы были стороне?**

— На самом деле роман с женатым мужчиной мне порядком надоел. А последний случай расставил все точки над «>». Именно после этой встречи Нового года Шапов повез меня домой. Я не возмущалась его вероломством еще и потому, что он мне нравился. Виктор, несмотря на непривлекательную внешность, был очень интересным, необычным человеком, обладал редким остроумием и каким-то не нашим шармом. Импонировали его имя в обществе, щедрость и шлейф славы Синей Бороды: не было ни одной красивой девушки в Москве, с которой он бы не переспал. Словно арабский шейх, Шапов обливал молоденьких девушек с ног до головы дефицитными французскими духами и одевал как кукол. Ветреный художник быстро менял дам сердца, но ни одна не оставалась в обиде — так щедро он обставлял неизбежное расставание. И потом надо отдать ему должное — как честный человек, он часто женился! Я, кстати, была его третьей женой.

Когда мы поженились, мне исполнилось всего 17, и Шапов, боясь, что его укутут в тюрьму за совращение несовершеннолетней, постоянно предупреждал меня: «Если к нам придет милиция, имей в виду: я тебя учу живописи». Детей у него не было, и, естественно, он баловал меня, как свою дочку. В Доме кино при нашем появлении шептались: «Вначале с дочкой приходил (имея в виду предыдущую жену), а теперь вот с внучкой!»

В гости к Шапову ходила вся артисти-

ческая Москва. Попасть к нему в дом считалось большой честью. В его квартире ели-пили 30—40 человек круглосуточно, а он сидел себе и спокойненько работал. У Виктора было огромное количество заказов: он рисовал плакаты, иллюстрировал детские книги.

Просыпаясь утром, я не сразу понимала, где нахожусь: в саду или на кладбище — вся комната и кровать были усыпаны цветами. Чтобы удивить «свою девочку», Шапов выписывал из Парижа устрицы или фрахтовал самолет, на котором мы летели в Сочи купаться. В один из моих дней рождения был устроен перформанс. Я возлежала посреди комнаты в ванне, наполненной французским шампанским, а оторопевшие гости черпали бокалами шипучий напиток и пили за мое здоровье. Щедрость мужа не имела границ — мне, молодой жене, он сразу же после свадьбы купил белый «Мерседес», такого автомобиля, наверное, не

Я возлежала посреди комнаты в ванне с шампанским, а гости черпали бокалами шипучий напиток и пили за мое здоровье

было еще ни у кого в Союзе...

— **Ну а как появился Лимонов?**

— С Эдом меня познакомил Сапгир. Он в ту пору был очень трогательным провинциалом: с буйными кудрями, в расшитой украинской рубашке и круглых очках. Лимонова хорошо знали в Москве, но не потому, что писал стихи — он отлично шил брюки. Я же вначале влюбилась именно в его стихи, а потом уже в их творца. Шапов, не подозревая, что сам роет себе могилу, проявлял отеческую заботу: «Позовите Лимонова. Пусть борща поест, а то он вечно голодный». Появившись в нашем доме в первый раз, Лимонов от смущения нечаянно перевернул стол и разбил старинные чашки. Зная, что я не люблю молоденьких юношей, он прибавил себе для солидности лет восемь. У нас очень скоро образовался любовный треугольник. Я не знала, что делать. Все решилось, когда мы с компанией разбились на «Мерседесе», возвращаясь с празднования Старого нового года. Был сильный гололед, машину занесло, и в результате я получила сильное сотрясение мозга. Видимо, эта травма и повлияла на мою решительность. «Если три раза подряд выпадет орел — уйду к Лимонову», — загада-

ла я и бросила монетку. Монета три раза упала орлом вверх.

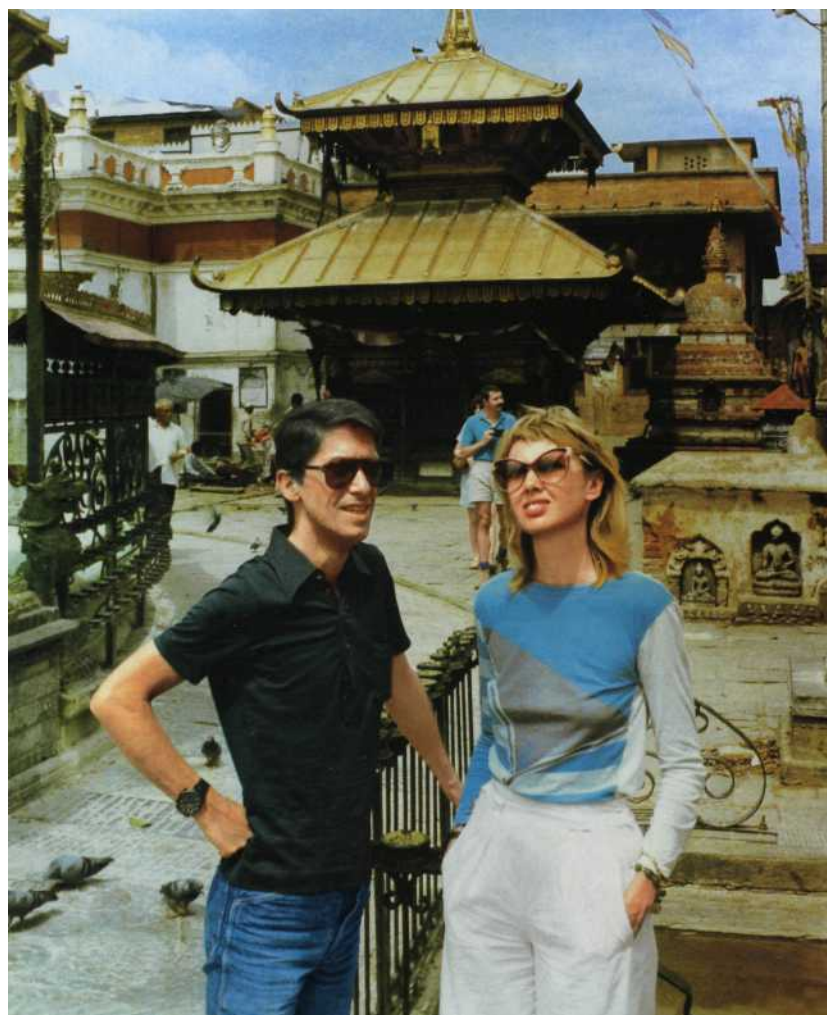
Вот так и ушла от мужа-миллионера к нищему Лимонову на чердак. По натуре я человек эмоциональный и очень правдивый и не могла долго притворяться и лгать мужу, имея тайного любовника.

Когда я собралась уходить, бедный Витя перебил в доме всю посуду, разгромил мебель и даже хотел уничтожить мой портрет работы художника Збарского. Я спокойно смотрела, как летит на пол саксонский фарфор, но отчаянно кинулась на защиту своего портрета и вырвала его из рук Шапова. Тогда Витя в отчаянии бросился к балкону. Много сил пришлось потратить, чтобы хоть как-то привести его в чувство. Шапов до последнего не верил, что мы с ним разведемся — даже в суд заявился с огромным букетом. Широко улыбаясь, протянул его мне: «Какой развод, Лена, опомнись! Сейчас поедem в ресторан, и все станет

на свои места». Но я настояла на разводе. И вот тогда у него случился первый инфаркт. Через какое-то время Витя позволил и бодро сообщил: «А я женись!» И действительно, женился на молоденькой модели, которая оказалась алкоголичкой. Думаю, он это сделал назло мне.

— **И ваша богемная жизнь на этом закончилась?**

— Ну почему? Мы с Лимоновым жили припеваючи, периодически продавая мои драгоценности и французские наряды. Дружили с венецульским послом, часто бывали на посольских приемах. Лимонов познакомил меня с Эрнстом Неизвестным. Мы только поженились, когда Эд повел меня к нему в мастерскую. Через какое-то время озадаченный Лимонов приходит домой и с порога начинает допрос: «Ты звонила Неизвестному?» — «Нет». — «И не заходила?» — «Да нет же!» — «Странно. Встречаюсь с одной художницей, а она мне по секрету: «Не хочу тебя расстраивать, но история ужасная. Неизвестный рассказал, что твоя жена пыталась затащить его в постель!» Даже Лимонов при его ревнивом характере в эту байку не поверил. Я немедленно позвонила Эрнсту: «Вам надо

Щапов, не подозревая, что сам роет себе могилу, проявлял заботу: «Позовите Лимонова. Пусть борща поест, а то он вечно голодный»

рожу набить за такие небылицы!» Он стал оправдываться.

— **А что, Лимонов действительно был страшно ревнив?**

— Он не только без конца ревновал, но и очень болезненно относился к моей известности и не переносил, когда отмечали меня, а не его. Однажды на даче Лимонов, на которого в тот день мало обращали внимания, решил сломать веселье и на глазах у всех зарезаться.

Даже в мелочах он должен был быть впереди. Если ему говорили: «Посмотри, какие у Лены красивые руки!», он тут же

вытягивал свои: «А мои?» Я никому не показывала Лимонова, настолько мне было стыдно. Как-то позвонил Боря Мессерер, который решил устроить смотрины моего нового мужа: «Куда пропала? Приходите к нам!» Лимонов с порога зажался. Перед ним сидели сестры Вертинские, которых он видел только в кино, Азарий Плисецкий, брат Майи, и многие другие знаменитые люди. Принесли самовар. Я протягиваю Лимонову чашку, а он от смущения льет мне на руку крутой кипяток. Не знаю, как я выдержала, даже не вскрикнув. Потом встала и спокойно ска-

зала: «Извините. Эдуард себя плохо чувствует». В гробовой тишине мы вышли. На лестнице я сорвала с Лимонова очки и расцарапала всю его физиономию.

Перед венчанием мой будущий муж окрестился и получил имя Петр. В церкви в Гнезниковском переулке батюшка, услышав о моей бабке Анастасии Козловой, заявил: «Все сделаю по-царски!» Венчание шло два часа, пел хор Большого театра, над нашими головами держали настоящие золотые венцы. Во время церемонии я потеряла обручальное кольцо. Его долго все искали, включая батюшку, но так и не нашли. Зная, что это дурной знак, я очень расстроилась. Кстати, примета оказалась верной: с мужем я рассталась...

Мы все больше и больше отдалялись друг от друга. К тому же в Америке у Лимонова усугубился творческий кризис — он плохо говорил по-английски, а из-за советской провинциальности так и не смог вписаться в нью-йоркскую артистическую среду. К тому же он решил эпатировать публику — прогуливался по Манхэттену на высоких каблуках и в рубашке с жабо, вызывая у меня жуткое раздражение. Когда я переехала от него, он просто обезумел — врывался на литературные вечера и в присутствии знаменитостей бросался на меня с кулаками, вламывался с ножом в мою квартиру и грозился перерезать мне горло.

При расставании Лимонов пообещал, что напишет ужасную книгу, и потом страшно боялся, что я не дам разрешения на ее издание. Но, как ни странно, книга мне понравилась. В ответ я написала свой роман «Это я — Елена, или интервью сама с собой».

Кстати, говорят, Щапов умер от второго инфаркта после того, как прочитал книгу «Это я — Эдичка». Я казалась ему настолько чистой девочкой, что он, не ожидая таких откровений, умер, возможно, от потрясения...

— **В то время в Нью-Йорке собралась довольно большая компания артистической эмигрантской богемы. Вас приняли в нее?**

— Конечно. В Нью-Йорке жизнь кипела: без конца проходили выставки, литературные вечера, домашние посиделки. Шемякин издавал в Америке альманах «Аполлон», где печатались и я, и Лимонов. Работа модели приносила мне неплохие деньги, но я все же считала себя писательницей. Именно тогда Миша придумал

Только после внезапной смерти
Джанфранко я поняла, кем он был
для меня и как я его не ценила.
От горя я стала много пить.
Меня спасла трехлетняя Настенька

провести съемку с огромными бараньими тушами у него в мастерской. Меня с головы до ног вымазали оливковым маслом. Потом ЭПИ фотографии Шемякин опубликовал, не спросив у меня разрешения. Причем ту, где я держу его голую дочь, как собачку, на цепи, он изыл.

Довольно часто в Штаты приезжали друзья и знакомые из Союза. Как-то в Нью-Йорк прилетел Евтушенко. В то время он был необычайно популярен, и его пригласили читать стихи в американских университетах. Однажды вечером мы с Шемякиным отправились на встречу со знаменитым соотечественником, прихватив с собой из бара... трансвестита. (Шемякин не пожалел для такого случая 150 долларов!) Евтух сразу же положил глаз на «девочку», которая по предварительной с нами договоренности усиленно строила ему глазки. Весь вечер Женя почему-то спрашивал у меня: «Интересно, а есть ли у нее дети?», а потом, расплавшись, поволок отнюдь не сопротивлявшуюся «даму» в спальню. Шемякин, испугавшись за свою репутацию, поспешил открыть бедному Евтушенко горькую правду. Тот был в шоке. Для советского человека это было сродни грому среди ясного неба: принять переодетого мужика за обольстительную бабу! Позор!

— **Интересно, а откуда на лице у Шемякина такие странные шрамы?**

— Мне тоже было страшно любопытно это узнать. Этот вопрос я задавала Мише дважды, он отвечал на него по-разному. Вначале небрежно махнул рукой: «Как-то я работал на литейном заводе, и на меня вылилась смола», в другой раз, видимо забыв о первой версии, ответил так: «Да ты знаешь, в Сибири в тайге медведь задрал». Я бы не удивилась, если бы в третий раз услышала о бандитской пуле. Миша вообще слыл большим мазохистом и любил сам себе наносить раны. Скорее всего эти шрамы на лице — дело его собственных рук. Однажды на наших глазах в одном из баров он неожиданно вонзил нож в свою лежащую на скатерти руку с такой силой, что лезвие пробило насквозь и руку, и столешницу.

О его буйствах в период запоев ходили легенды. При виде приближающейся Мишиной фигуры швейцары в ресторанах Нью-Йорка спешно закрывали двери, вывешивая таблички «Мест нет». А дело в том, что Шемякин часто носил с собой наган. Напившись, он доставал его из кармана своих черных штанов и палил по зеркалам, вопя песню Высоцкого: «Где мой черный пистолет? На Большом Каретном».

А еще в Фрэнции я постоянно встречалась с давним приятелем Максимом Шостаковичем. Познакомились мы еще в Москве. К сыну прославленного композитора Дмитрия Шостаковича меня, шестнадцатилетнюю девчонку, привел учитель английского языка. Максим был пьян, слушал Малера и бил любимые пластинки о колено. Почему-то так совпадало, что когда я прилетала из США в Париж, там каждый раз давал концерты дирижер из СССР Максим Шостакович.

Как-то прилетаю вместе слевой Збарским, художником, в которого была сильно влюблена, из Штатов в Париж. Прихожу в гости к Максиму. Расположившись на кухне, начинаю разговор. «Максим, может, попробуешь?» — лукаво предлагаю, достав из сумочки кокаин. Лева успокоил друга: «Ничего страшного, не бойся». Любопытный Максим решается на невероятный для советского

Однажды вечером мы с Лимоновым и Шемякиным отправились на встречу с Евтушенко, прихватив из бара... трансвестита

гражданина поступок. И вот так под кокаин мы слевой всю ночь рассказывали Максиму о преимуществах западной жизни. Через два месяца после ночных посиделок я случайно услышала по радио, что сын Шостаковича сбежал из СССР. Когда мы в очередной раз встретились, Максим долго смеялся: «Это все ты со своим кокаином! Если бы не порошок, жил бы себе до сих пор в Союзе». Так мы слевой невольно стали причиной бегства Шостаковича на Запад. Максим женился на русской девушке, его сын Митя живет в Париже и пишет современную музыку. Я очень люблю его постеприимную семью.

— **А что за легендарная личность Лев Збарский, которого вы так часто упоминаете?**

— Это московский художник, он уехал в Нью-Йорк раньше меня. Мы были знакомы через мужа. На самом деле его зовут Лев-Феликс. Его отец, академик Борис Збарский, участвовал в балызамировании тела Ленина. Когда во время войны тело вождя эвакуировали в Сибирь, туда отправилась и вся семья Збарских. Маленький Лева сидел в купе, а на соседней полке лежал Ленин... Сколько я ни расспрашивала его о секретах балызами-

рования, он так и не раскрылся. Когда Леву провожали в Штаты, в аэропорту по иронии судьбы собрались его бывшие жены: Маша Вертинская и Люда Максимова. (История жизни еще одной его жены, Регины, очень красивой модели Вячеслава Зайцева, трагична: попытка самоубийства, преследование КГБ, сумасшедший дом, наконец, таинственная смерть с телефонной трубкой в руке.) Так вот, Маша и Люда рыдали в голос друг у друга на плече. Одна я почему-то смеялась. «Ты-то что хихикаешь?» — враждебно спросил меня кто-то. Честно говоря, не помню, что меня тогда так развеселило. Поняла это я много позже: оказывается, мы слевой не прощались.

Спустя годы в Нью-Йорке у нас начался бурный роман. Чувство к Леве было настолько сильным, что я даже просила мужа-итальянца, с которым мы незадолго до этого поженились, о разводе. Но

все разрешилось само собой — в один прекрасный день, не выдержав ревности Збарского, я сбежала.

Лева запирает меня на ключ, даже когда выходил за хлебом, и всюду следил за мной. Я оставила его в съемной квартире со всеми вещами и любимой кошкой, села в машину и уехала. Надо отдать ему должное: уходя, кошку он взял с собой. (Я оценила его заботу о животном, хорошо помня жалобы Максаковой, что Лева совершенно не принимает участия в воспитании ребенка.)

— **Вы сказали, что вышли замуж за итальянца. Говорят, он из очень знатной семьи?**

— Джанфранко де Карли был старше меня на 11 лет. По матери он маркиз Спинула, один из его предков был губернатором на Корсике при Наполеоне. Как-то на приеме в итальянском посольстве нас угощали изысканным вином, потом демонстрировали фильм «Падре Падроне». Очень хрупкий молодой человек не отходил от меня весь вечер, а потом попросил мой номер телефона. «Не буду встречаться!» — решила я и каждый раз бросала трубку, как только звонил пылкий влюбленный. Когда Джанфранко позвонил в очередной раз, я трагиче-

У нас с мужем был свободный брак, и поэтому я больше времени проводила в Париже и в Нью-Йорке — Рим казался мне тогда очень провинциальным

из себя итальянец на третий день знакомства. «Никогда!» — даже подскочила я. Но он прибег к хитрости: «У тебя будет паспорт, и ты сможешь поехать в Россию к маме!» Этот аргумент на меня сразу подействовал. И потом он был такой милый: Джанфранко прожил 16 лет в Лондоне, и от итальянца в нем осталось мало. В день свадьбы в Риме я заехала за ним на упряжке лошадей и после церемонии отвезла в ресторан. Но венчаться второй раз я категорически отказалась, несмотря на его слезы и мольбы. Поселились мы у родителей мужа в огромном фамильном доме. Его маме очень нравилось, что все вокруг ахают при виде ее красивой невестки.

У нас с мужем был свободный брак, и поэтому я больше времени проводила в Париже и в Нью-Йорке — Рим казался мне тогда очень провинциальным. Джанфранко настолько меня любил, что позволял делать все что угодно, терпя мои загулы и безумное расточительство.

— Ну а как же работа?

— В Париже в то время выходил очень необычный авангардистский журнал «Мулета». А издавал его бывший гражданин СССР, а ныне свободный художник Котляров, которого все звали просто Толстый. Он прославился тем, что создал общество «Вивризм» (от слова «жить») как звонкую пощечину пошлому и обветшалому искусству. Я входила с Лимоновым в редколлегию журнала и ездила в Париж на заседания. К тому времени с бывшим мужем страсти улеглись: у него появилась новая пассия, Наталья Медведева, которая тоже печаталась в «Мулете».

Познакомились мы с Толстым в Риме. Кто-то дал Котлярову мой адрес, и однажды в дверь старинной графской квартиры позвонили. «Я хочу сделать в Риме хеппенинг, — с порога зачастил необычайно толстый бородатый человек. — Можешь помочь?» Потом, оглядев квартиру, занимающую весь этаж и набитую антиквариатом, тут же сориентировался: «Да-а, графинюшка! Богато живешь! Может, ты мне красок купишь и пригласишь местных журналистов? Я буду совершенно голый, расписанный в стиле боди-арт, средь бела дня купаться в Фонтане де Треви» (фонтан прославился на весь мир благодаря купанию в нем пышногрудой Аниты Экберг в фильме Фел-

Толстый, сверкнув намалеванными на пышных бедрах цветочками, сложил ручки и элегантно, как рыбка, нырнул в бассейн

ски зашептала: «Вы знаете, я больна...» «Замечательно! Я приеду!» — завопил он на другом конце. Но, придя ко мне, оробел: спальня была обтянута лиловым шелком, над широкой кроватью, где я томно возлежала, нависал белый балдахин. У ложа нес почетный караул Саша Бородулин. Сверяясь по часам, он давал

команды поклонникам, скорбно сидящим в углах на стульчиках: «Так, молодой человек! Пора, ваше время истекло!» Когда наконец все ушли, Саша сурово повернулся к Джанфранко: «Вам пора!» Но мне стало его жалко, и я попросила сделать исключение. «Может, ты выйдешь за меня замуж?» — быстро выдал

Настеньке уже одиннадцать. Она учится во французской школе. Когда я к ней обращаюсь на русском, она отвечает мне по-итальянски

линии «Сладкая жизнь»). Я с сомнением покачала головой: «Это католическая страна, тебя тут же арестуют». — «Ну и хорошо! Я концептуалист. Мне нужна провокация!» Ну что делать? Я купила землянку-провокатору красок и обзвонила все крупные газеты, рассказав о предстоя-

щем хеппенинге. К 10 утра журналисты окружили фонтан. Наконец подъехала машина, из которой вышел Толстый в пальто в сопровождении какой-то удмуртки. Затем, лихо скинув пальто за античными скульптурами, он застыл среди них, приняв позу римского патриция.

Заработали камеры. Туристы, и без того вечно толпящиеся на площади, стали скапливаться у фонтана. Вдруг голая фигура громко закричала: «Ого-го-го!», толпа радостно подхватила: «Ого-го-го!» Тут засвистела опомнившаяся полиция. Толстый, сверкнув нарисованными на пыш-

ных бедрах цветочками, сложил ручки и элегантно, как рыбка, нырнул в бассейн. На вынырнувшего концептуалиста карабинеры надели наручники и увезли в полицейский участок. Удмуртка причитала рядом со мной: «Что делать? Что делать?» Знакомый журналист, которому я позволила вечером, объяснил: «Ему грозит трое суток ареста. До суда его продержат в тюрьме Реджина Челли». Искать судью или мэра накануне праздника 1 мая было бесполезно. Мы с удмурткой отправились в тюрьму — отвезти вещи совершенно голому художнику. Карабинер, проверив передачу, взял все, кроме зубной пасты: оказывается, в ней могли передать заключенному наркотики. На суде я была свидетелем: «Это художественная акция!» Полицейский выступил с обвинением: «Господа! Этот человек раздelsя донага, шокируя публику!» Судья хотя и не понял, что такое «акция», но явно благосклонно смотрел на миловидную русскую девушку. Я демонстрирую газеты: «Вы видите — тело закрашено

ставку Толстого на глазах у несчастного. Тут я произношу знакомое нам с Толстым слово: «Провокация!» Все хохочут.

А еще я в Риме работала репортером в журнале «*Allegro romano*» — «Веселые римляне»: брала интервью у знаменитых итальянцев и приезжающих звезд. Судьба свела меня с примой нашего балета Майей Плисецкой, которую пригласили поработать в Римскую оперу. С Майей я была знакома через ее брата Азария, частого гостя у нас в Москве. Как-то раздается звонок. В трубке — плачущий голос Майи: «Лена, катастрофа! Мне не платят, жить негде! Я живу в комнатке на рабочей окраине Рима». Ужас! Что делать? Звоню Тонино Гуэрре, с которым в то время дружила, и жалуюсь на итальянское негостеприимство. Он был так возмущен, что тотчас же набрал номер телефона дирекции театра и стал орать в трубку: «Вы имете дело с мировой знаменитостью! Как вам не стыдно?!», но постепенно, слушая ответ, затих. Повесив трубку, гневно поворачивается ко мне: «Ты что меня позо-

Плисецкая небрежно шлепает мне на колени сумку: «Лена, следите за ней. Там \$15 000. Мне непременно нужно все истратить»

цветами, значит, художник не был голым. При аресте он просто был вынужден повернуться к людям задом!» Толстого оправдали благодаря моей защите. В ресторане после процесса он на радостях проглотил пять огромных бифштексов по-флорентийски.

Спустя время мы с Толстым встретились на выставке Басмаджана, известного галерейщика, пропагандирующего русское искусство. Гарик был родом из Бейрута, жил бедно в комнатке на Пляс Пигаль и вдруг в одночасье стал богачом. Болтали, что он работал на несколько разведок. Меня он с удовольствием опекал: называл «анфан террибль» и часто водил пострелять в тир. Так вот, Гарик пригласил меня на открытие грандиозной выставки. Налил коньяку в кабинете и спросил: «Ты знаешь, Толстый оборвал мой телефон, умоляя сделать его выставку. Как ты думаешь, стоит ли?» Я засмеялась и предложила разыграть старого знакомого. Увидев меня в кабинете, Толстый бледнеет. «Лена против», — трагично произносит Гарик и рвет уже отпечатанный пригласительный билет на вы-

ришь? Она очень много получает, и ей оплачивают шикарный номер в гостинице. Майя просто экономит деньги!» В конце концов в ее судьбе приняла участие Наталья Андрейченко, жена Максимилиана Шелла, и сняла для Плисецкой достойный номер в гостинице.

Я же как могла старалась развлечь Майю, помочь забыть трудности и театральные склоки — таскала с собой в рестораны и на приемы. Мой муж это всячески поощрял: Джанфранко ее боготворил. Однажды Майя обратилась к нему с просьбой (он служил в банке): «Дорогой, помогите мне открыть счет, я не хочу ввозить заработанные деньги в СССР». Сказано — сделано! В одном из американских банков он нелегально открывает счет для Майи. Настал срок ее отъезда. Звонит Плисецкая: «Лена, у вас такой хороший вкус, не сходите ли со мной за компанию по магазинам? Мне надо кое-что купить». Я везу ее в район Рима, где продаются самые дорогие наряды. Майя устремляется к вешалке, небрежно шлепая мне на колени сумку: «Лена, следите за сумкой. Там 15 тысяч долларов. Мне непременно нужно

Я люблю Италию, это моя вторая родина. Как графиня де Карли по статусу я имею право присутствовать на приемах Папы Римского. А еще от итальянского правительства я получила крест и титул комендаторре

все истратить. Не ввозить же их домой?» Надо сказать, деньги разошлись мгновенно. За усталой, но довольной Майей с огромными сумками шагала я — балерине нужно было копить силы для вечернего выступления. «Майя, может, зайдем поест?» — предложила я, когда мы дошли до района вилла Боргезе. После того как я расплатилась в ресторане, Майя милостиво предложила: «Лена, можно я угощу вас кофе?» Когда вечером я пожаловалась мужу, он тут же нашел оправдание знаменитости: «Она же звезда, Лена, как ты не понимаешь?! Нельзя быть такой меркантильной».

Майя укатила домой, и очень долгое время от нее не было ни слуху ни духу. Вдруг раздается звонок из Испании. «Лена, — взволнованно почти кричит в трубку Майя, — меня, как всегда, обманули! Обещали дать премию «Via Condotti», и вот все срывается. (Эта почетная денежная премия вручается иностранным знаменитостям, которые проработали какое-то время в Риме. Церемония обстав-

премию на *via Condotti*. На приеме присутствовали...) Через час как ни в чем не бывало звонит Майя: «Я слышала, у вас родился ребенок? Лена, как вы могли испортить такую роскошную фигуру?!» «Майя, я могу вас поздравить с премией?» — перебиваю я ее. — «Ах да. Я вам вчера звонила, но ваша горничная сказала, что вас нет дома...» И тут же, чтобы уйти от темы, начинает жаловаться на брата Азария. Я ее остановила: «Вы сказали, что нас не было дома. Так вот, Майя, отныне для вас нас не будет дома никогда!» И повесила трубку. Эту историю я рассказала на страницах журнала «Веселые римляне», назвав ее «Блеск и нищета одной звезды».

— **Лена, вы чувствуете себя иностранкой иди живете как русская за границей?**

— Я стала слишком итальянкой. 25 лет живу на Западе и уже изменилась. Когда приезжаю в Россию, то воспринимаю ее как чужую: той страны, которую *зияла* я, уже нет. Как нет моего детства, юности. Нет людей, языка... Я люблю Италию, это

Все виллы и дворец прокутили... После внезапной смерти Джанфранко я поняла, кем он был для меня и как я его не ценила

ляется с большой помпой: улица престижных магазинов *via Condotti* перекрывается, расставляются столы, и на вручение приглашают звезд и местную знать.) «Лена, — уже рыдает Майя. — Я не успела послать письмо о своем участии. Не могли бы вы похлопотать обо мне? Я мечтаю получить эту премию!» Муж тут же идет на прием к хозяину бутиков и распорядителю этой премии Джанни Батистони, который, на счастье, был его другом детства. Джанни в виде исключения разрешил Майе прислать письмо с опозданием, пообещав товарищу, что премия будет непременно за ней: «Да, посылайте вам с женой отдельные приглашительные не буду, придете на прием с Майей». Через какое-то время я об этом эпизоде совсем забыла — у меня родилась Настенька, и я погрузилась в приятные хлопоты. Однажды, явно не в духе, звонит муж со службы: «Я сейчас приеду». По его взволнованному голосу я догадываюсь, что случилось нечто. В прихожей он бросает мне утреннюю газету. «Читай!» Крупный заголовок гласит: «Вчера советской балерине Майе Плисецкой вручили престижную

моя вторая родина. Как графиня де Карли по статусу имею право присутствовать на приемах Папы Римского. А еще от итальянского правительства я получила крест и титул комендаторе. После Моники Витти я — вторая женщина, удостоенная этого звания. За итальянские переводы своих стихов я получила литературную премию «Медитерранео» вместе с Жоржи Амаду.

Мой муж умер от инфаркта прямо в банке десять лет назад. Мы с Настенькой живем в одной из оставшихся квартир на пенсию мужа. Все квартиры, виллы и дворец прокутили... Только после внезапной смерти Джанфранко я поняла, кем он был для меня и как я его не ценила. От горя стала много пить. Меня спасла трехлетняя Настенька. Как-то, собираясь в детский садик и натягивая сразу несколько пар колготок — как и я в детстве, — она вдруг сказала: «Мама, а ты не могла бы пить в другой комнате?» Дочь — мой ангел-хранитель, которого мне оставил Джанфранко...

**Беседовала Ирина Зайчик
Рим—Москва**